

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

100

историй, которые потрясли мир

Елена Коровина

Елена Анатольевна Коровина Великие исторические сенсации. 100 историй, которые потрясли мир

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590585

*Елена Коровина. Великие исторические сенсации. 100 историй, которые
потрясли мир: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02209-7*

Аннотация

Данное издание представляет собой собрание великих исторических сенсаций, написанное простым, ярким и доступным языком. Благодаря этой книге читатель сможет узнать о загадочных, необъяснимых, а порой и трагических случаях из жизни мировых общественных и культурных деятелей, таких как Екатерина II, Генрих VIII, Вольтер, Пушкин, Грибоедов, Жак Ширак, Рональд Рейган и многих других. Книга адресована любителям загадок и тайн, пророчеств и предсказаний, а также всем интересующимся мировой историей.

Содержание

Самая жгучая тайна Древнего Египта	4
Что нам за граница, или Юрий Долгорукий как принц Уэссекский	13
Данте Алигьери: рукописи и тайны	19
Заговор дожа, или Как второй раз стать догарессой	27
Маршал Франции Жиль де Ре: оправдание через века	34
Франциск I: тайна рождения и престола	44
Загадка лондонского Тауэра, или Удостоверение призрачной личности	53
Соломония Сабурова: развенчание кровавого мифа	61
Иван Грозный, не убивающий своего сына	67
Архивная сенсация, или Создание русского Голема	75
Указ Ивана IV, или Развенчание мифа	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Елена Коровина

Великие исторические сенсации. 100 историй, которые потрясли мир

Самая жгучая тайна Древнего Египта

История Древнего Египта хранит много секретов и открывает их с большим трудом. Но одна тайна скрывалась особенно тщательно – и не самими древними египтянами (они-то прекрасно были осведомлены о ней и даже гордились ею), а представителями последующих эпох. Ибо, признав ее существование, пришлось бы признать неверным один из основных постулатов нынешней цивилизации. А он на протяжении двух последних тысячелетий утверждал мужской приоритет в нашем мире. С первых дней изучения истории нам внушалось: патриархат был всегда, начиная с известной нам цивилизации Древнего Египта. На самом деле такое утверждение – полуправда. Оказывается, властителями-фараонами были и женщины, причем многие века.

Но ведь это – натуральная сенсация. Почему же о ней не

рассказывают историки или учителя в школе? Догадайтесь с двух раз. 20 веков с Рождества Христова утверждалось, что женщина – сосуд греха, вместилище пороков, глупая курица, наконец. И вдруг известие о том, что в Великом Египте 500 лет правили женщины! Не забывайте, мы до сих пор живем в мужском мире... Но все тайное когда-нибудь становится явным.

Что ж, поначалу египтологи с легким сердцем рассказывали народу, что во времена Древнего Египта мир был полностью мужским: на троне царствовали фараоны-мужчины, на религиозных церемониях – мужчины-жрецы. Если женщина и могла достигать чего-то, то только в силу того, что она была женой того или иного высокопоставленного мужчины. Так стала правительницей Нефертити, а вернее, соправительницей своего супруга Эхнатона, великого фараона-реформатора. Так получила власть Нефертари, потому что была главной и любимой женой фараона Рамзеса II, одного из самых могущественных правителей Древнего Египта. Однако все историки сходились во мнении, что получить власть можно было, только имея рядом мужчину-властителя.

Нефертити – супруга Эхнатона-реформатора

Правда, египтологам известны и имена женщин-властительниц, которые правили в Древнем Египте «по статусу фараона», начиная с Раннего царства (ок. 3000 до н. э.) и до эллинистического Египта, во времена которого правила последняя царица Египта – Клеопатра (69–30 до н. э.). Женщин-правительниц всего семь: Мернейт, Хенткаус, Нитокрис, Себекнеферу, Хатшепсут, Таусерет и, конечно, легендарная Клеопатра. Но хотя и сохранились их изображения с уреем (змеей на лбу – символом царской власти), как у Нитокрис, хотя над их изображением и красуются надписи «Царь Египта, мать царя Египта», как у Хенткаус, хотя у них имеются помещения усыпальниц в царском некрополе Аби-даса, как у Мернейт, большие по размеру, чем у мужа-фараона (а размер в Египте был равен статусу), официального титула эти женщины не получили. Они все равно были женами и матерями владык. Даже легендарной Хатшепсут приходилось во время церемоний надевать мужские одежды и привязывать черную бороду, словно подчеркивая, что власть в Египте мужского пола.

Но открытия египтологии начала XX века преподнесли сенсацию воистину мирового масштаба: выяснилось, что власть и могущество женщины могли получить и без мужчин. Рельефы, рисунки, надписи, таблички и иные памятни-

ки Древнего мира раскрыли перед потомками совершенно неизвестную страницу: историю фараонов-женщин, так называемых жен бога.

Все началось, конечно, с религиозных таинств. По египетскому преданию, человек зародился от искры страсти, которую высекла из главного бога Амона его божественная супруга. То есть для развития цивилизации, как поняли древние египтяне, нужны двое. Спроецировав эту небесную конструкцию на земную жизнь, египетская религия установила: фараон конечно же является на земле воплощением бога, но кто-то должен воплощать и божественную супругу.

Казалось бы – простейшая загадка! Ясно, что раз фараон – бог, то его жена и есть божественная супруга. Но египтологи были уверены: так случалось не всегда. Да, например, жена Рамзеса II, Нефертари, изображалась в качестве божественной супруги, но жены других фараонов – нет. Но ведь такого быть не могло – религия всегда требует целостности и точности. И только в начале XX века египтологам стало ясно, что «проекциями» божественной супруги были особые жрицы, считавшиеся божественными супругами Амона. Именно они и проводили священные церемонии – и всегда тайно. На заре, пока все спят, жрицы входили в Карнакский храм – святилище Амона. Жены бога умащивали благовониями золотую статую «супруга», услаждали его слух пением и танцами. Откуда брались подобные жрицы? В их число могла войти любая женщина из семейства фараонов. Старшая в роду

женщина посвящала в жрицы младшую и т. д. Но для мужчин этот культ был закрыт, возможно, поэтому о нем и сохранились столь редкие упоминания.

Центром этого культа стали благословенные Фивы – самый роскошный и процветающий город Древнего Египта. Фивы всегда имели особый статус и считались сердцем Египта. Ведь там была Долина царей – главная усыпальница страны, там располагались Карнакский и Луксорский храмы – главные храмы Египта.

Жены бога получали неординарный статус. Они имели особые возможности, и их поступки не обсуждались, а повеления считались приказами. Жены бога даже могли изображаться одного роста с правящим фараоном, чего, между прочим, не удаивались реальные супруги фараонов, изображавшиеся на рисунках и рельефах всегда позади и почти вдвое меньше. Ведь именно высота изображаемого человека служила показателем статуса в Древнем Египте.

Однако время шло. Фараоны-мужчины понимали, что выпускать из рук власть, даже на тайной религиозной церемонии, не в их интересах. Мир все более становился мужским. Статус божественных супругов стремительно падал, пока почти не забылся. Но и забытое возрождается. И что невероятно: возвращение культа жен бога произошло после смены власти в древней стране.

При Рамзесе III, правившем примерно с 1185 по 1153 год до н. э., могущество Древнего Египта предстало во всей

красе. Но уже при Рамзесе V (годы правления: 1146–1143 до н. э.) началась гражданская война за обладание властью. Египет слабел. На высоких постах государства все чаще оказывались выходцы из его провинций – Ливии и Нубии. В поздний период царств (21–30-я династии, 1075–342 до н. э.) могущество Древнего Египта пошатнулось. Он оказался завоеванным собственными колониями, в частности Нубией. В древние храмы вошли новые фараоны – чернокожие и слабо легитимные. Им понадобился статус, ибо они желали стать фараонами не по завоеванию, а по наследию небесной власти. И эту легитимность чернокожие фараоны начали искать в древнем культе божественных супругов.

Женившись на женщинах древней родовой египетской аристократии, нубийские фараоны объявляли жен небесными супругами, а самих себя – воплощением их божественного супруга. Более того, своих дочерей жены фараонов охотно посвящали в статус тех же божественных супругов, ведь статус давал власть и могущество, которого у жен Египта не было долгое время.

Начиная примерно с 1050 года до н. э. культ жен бога снова возродится в Фивах, но отправлять его стали уже чернокожие нубийки. 500 лет Фивы будут управляться женщинами, получившими статус «богини-фараона». Именно они, эти женщины-фараоны, возродят былую славу легендарных Фив. В городе снова расцветут искусства, ремесла и культура. Женское правление поднимет на еще большую высоту

могущество политики и самой религии.

Историкам стали известны имена некоторых женщин, правительниц Фив. Например, жена бога – Аменердис. Ее гробницу найдут в Медин-Табу. Как и в прежних царствах, эту божественную супругу будут изображать на рисунках и рельефах самой высокой фигурой. Но еще ее станут изображать в позе наивысшей близости с Амоном: бог, нисколько не стесняясь, открыто обнимает свою жену, а она его. Сохранились рельефы, где образы бога и его супруги равнозначны по размеру. То есть статус Аменердис был подобен статусу истинной богини. На ее лбу красуется урей. Ее голова облечена в корону фараона с двумя перьями, которые олицетворяли власть над Нижним и Верхним Египтом. Аменердис сама совершала жертвоприношения и ритуалы, что раньше было дозволено только фараонам-мужчинам.

Так же с короной и уреем была изображена и другая жена бога – Маат-Каре. Это говорит о невероятно высоком статусе божественных супругов. С 1050 по 650 год до н. э. жены бога были самыми могущественными женщинами в Египте, и им не требовался мужчина. Более того – они вообще не имели мужчин, а были обречены на безбрачие. Власть жены бога передавали приемным дочерям, собственноручно проводя пышную инициацию новой божественной супруги.

Расцвет Фив, процветание и богатство этого великого города, продержалось почти половину тысячелетия. Но на севере Египта фараоны-мужчины не удержали власть. Части

Древнего царства начали отходить к другим государствам. Фивы были завоеваны ассирийцами. Разграблены. Разрушены. И блестящий город превратился в занесенный песком город-призрак. А вместе с ним канули в небытие блеск и могущество женщин-фараонов. Но ведь они были – женщины, правившие миром «темных Древних царств». Однако об этом на два тысячелетия постарались забыть, как о самой жгучей тайне. И только к XIX веку женщины начали снова приобретать тот статус, который имели их представительницы в Древнем Египте.

Что нам заграница, или Юрий Долгорукий как принц Уэссекский

О Ярославне, королеве Франции, знают все. В 1051 году Анна, дочь великого князя Киевского Ярослава Владимировича Мудрого, стала женой Генриха I, короля Франции из рода Капетингов. После смерти Генриха Анна Русская стала регентшей при малолетнем сыне – будущем Филиппе I. Потом трон перешел к ее внуку, сыну Филиппа, Людовику VI. Ну а потом Капетинги, а значит, и потомки Анны Ярославны Русской правили на троне Франции еще почти 300 лет. Словом, если что – мы могли бы жить в единой стране Франко-Руси или Русо-Франконии, кому как нравится.

Памятник Юрию Долгорукому в Москве

Но знает ли кто из современников, что и со старушкой Англией нас связывают не менее тесные, абсолютно родственные и чрезвычайно давние связи? Знаете ли вы, дорогие читатели, кто такой Гюрги Лонгехатте, принц Уэссекский? Нет? А вот и неправда! Гюрги Уэссекса знают в России все от мала до велика. Не верите? Да ему даже памятник поставлен прямо в сердце Москвы напротив прежнего Моссовета, нынешней мэрии!

Гюрги Лонгехатте, принц Уэссекский – это основатель Москвы Юрий Владимирович Долгорукий, удельный князь Суздальский и великий князь Киевский.

Сразу предвижу недоверие: как же так, ведь Долгорукий законный сын пресветлого князя Мономаха! Да, один из младших сыновей. Ну а Владимир Всеволодович Мономах – внук Ярослава Мудрого, так что Анна Русская приходилась Мономаху родной теткой. А значит, Юрию Долгорукому Анна была двоюродной бабкой. Только при чем же тут Уэссекс?!

А при том, что родной матерью Юрия Долгорукого, первой и любимой женой его отца Владимира Мономаха, была красавица Гита, принцесса Уэссекская.

Но как же ее занесло из Англии в такую даль?! Да ведь Русь тех времен была для англичан неведомой тмутарака-

нюю. А вот и нет! Гита Английская объявилась в Киеве потому, что именно Русь казалась ей непобедимым и надежным оплотом, способным ее защитить. А защита была нужна, ведь Гита приходилась любимой дочерью несчастному королю Англии Гарольду II, тому самому, кого разбил нормандский Вильгельм Завоеватель в легендарной битве при Гастингсе.

Битва эта для англичан и по сей день культово значима. Род, которому удастся доказать, что его представитель века назад сражался при Гастингсе, до сих пор может претендовать на уважение и восхищение потомков. Битва эта случилась 14 октября 1066 года, но островная империя до сих пор хранит память о ней. И пусть в тот день англичане были коварно разбиты, пусть они, только что одолевшие норвежцев, которые высадились на севере страны, не сумели уже сдержать натиск Вильгельма, пусть им не хватило ни людей, ни оружия, но они гордятся тем, что встретили врага достойно. И пусть английский король Гарольд II, принц Уэссекский был убит наповал стрелой в глаз, а два его брата пали тут же на поле брани, они на все века, и для современных англичан тоже, – герои.

Победив при Гастингсе, Вильгельм начал зверствовать – пошел на север к Лондону, опустошая и грабя страну. Покорив Лондон, он был коронован под именем Вильгельма I, положив начало Нормандской династии. Правителем он был жестоким, человеком – беспощадным. Немудрено, что се-

мья прежнего короля Гарольда бежала из страны. Юной Гите удалось попасть в Данию, где у ее отца были друзья. Но и там она не знала покоя, ведь практически правители почти всех стран Европы были связаны с Вильгельмом Завоевателем. Неудивительно, что, едва друзья покойного Гарольда узнали о том, что русский князь Мономах желает породниться с заморской принцессой, Гита с радостью уехала в далекую страну.

В 1074 году она стала супругой Владимира и родила ему 12 детей – 8 мальчиков и 4 девочек. Юрий, которого мать звала Гюрги, был одиннадцатым ребенком, предпоследним из сыновей. Наверно, Гита любила Гюрги особо, раз звала на свой манер. Но и Мономах выделял смышленного и храброго сына. Об этом можно судить по тому, что свою жену он называл не как-нибудь, а именно «Гюргева мати». Вот только когда родился Юрий-Гюрги, достоверно не установлено. Историки сошлись на дате «около 1090 года».

Правда, есть версия, что Юрий Долгорукий все же сын не Гиты Английской, а второй жены – половецкой княжны Ефимии, с которой Мономах заключил брак после смерти Гиты. Но тогда отчего в семье Мономаха мальчика звали не по-русски, а на англо-саксонский лад? И почему тогда имя Юрия Долгорукого упоминается не в одних русских летописях (это понятно), но и в скандинавских сагах, где его называют Гюрги Лонгехатте? Конечно, это просто перевод имени и прозвища, но ведь русских князей было множество, а упо-

минается один.

Словом, что нам равняться на за границу, как мы это нет-нет да и делаем?! Наша Анна Ярославна дала возможность Капетингам править Францией чуть не три века. Ну а наш Юрий Долгорукий – прямой наследник английской власти, внук легендарного короля Гарольда, навек прославившегося в великой битве при Гастингсе. А что, если Москве и Лондону объединиться? Вот было бы прекрасное и благородное действие, тем более что основано оно на единой старинной-престаринной родне.

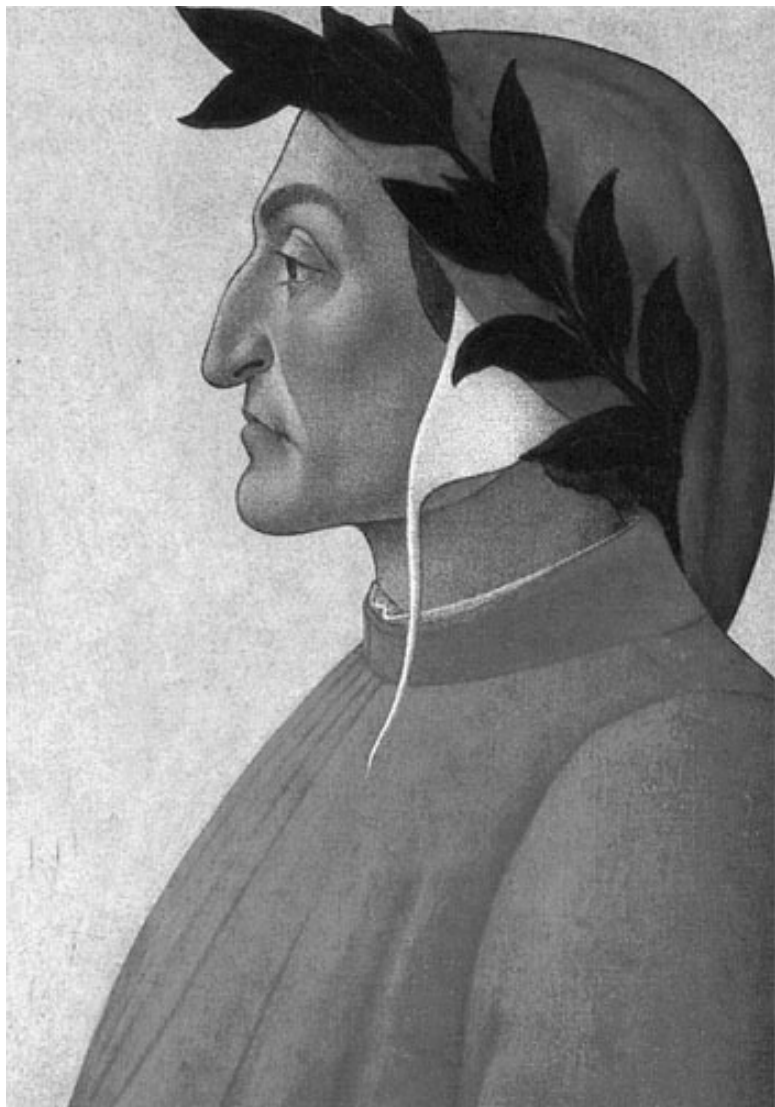
Данте Алигьери: рукописи и тайны

Имя гениального поэта Италии Данте Алигьери окутано дымкой мистики и таинства. Его «Божественная комедия» – вершина мировой литературы. Однако в судьбе поэта столько роковых событий, что имя его не раз было связано с уникальными историческими сенсациями. Сама поэма об аде и рае – не для слабонервных, да и дантовские тайны – для читателей с крепкой нервной системой.

Жизнь величайшего поэта была трагической. Его творения хоть и были признаны великими, но не приняты властью и церковью. Еще до создания «Божественной комедии» он был приговорен к изгнанию из Флоренции за участие в антигосударственной деятельности (Данте на тот момент состоял в Совете ста – органе управления городом, но поддержал партию изгнанников), потом заочно вообще к сожжению заживо. В 1311 году, уже через четыре года после написания «Ада», ему было «навечно отказано в амнистии», а в 1315-м, за год до начала работы над «Раем», ему повторили приговор «О предании смертной казни с сыновьями». Словом, жизнь его и его семьи была полна угроз и скитаний по Италии.

Простые итальянцы почитали его и боялись, считая, что Данте знался с нечистой силой. А как бы еще он создал свою бессмертную «Божественную комедию», если бы, поддерживаемый духами, сам не заглянул и в рай, и в ад? Надо ска-

зять, что и сам поэт поддерживал свою мистическую репутацию. Вот как описывает встречу с Данте другой великий итальянский поэт Джованни Боккаччо: «Когда творения Данте уже повсюду славились, особенно та часть его комедии, которую он озаглавил «Ад», и поэта по облику знали многие мужчины и женщины, он шел однажды по улице... и одна из женщин сказала, понизив голос: «Посмотрите, вон идет человек, который опускается в ад и возвращается оттуда, когда ему вздумается, принося вести о тех, кто там томится!» На что другая бесхитростно ответила: «Ты говоришь истинную правду, взгляни, как у него курчавится борода и потемнело лицо от адского пламени и дыма!» Данте улыбнулся, довольный таким мнением о себе, и прошел мимо».

С. Боттичелли. Портрет Данте. 1495

13 (по иным сведениям 14) сентября 1321 года Данте окончил свой скорбный путь в Равенне. Считается, что он умер от малярии. Его покровитель, герцог Равенны, похоронил поэта в церкви Сан-Франческо на территории монастыря. Традиционная историография описывает, что «похороны прошли торжественно», «с великими почестями». Однако и после смерти папский престол не оставил поэта в покое. Уже в 1329 году в Равенну прибыл папский легат – кардинал Бернардо дель Поджетто и потребовал, чтобы монахи предали тело вероотступника Данте публичному сожжению, что являлось по тогдашним меркам почти грехом. Столь необычное требование кардинал объяснял тем, что сыскались документы, обвиняющие еретика в тайных связях с проклятым орденом тамплиеров.

Уж как монахам и герцогу Равеннскому удалось замять обвинение, неизвестно. Скорее всего, герцог просто откупился от папских притязаний. Вот только монахи предприняли собственные меры...

Прошло почти два века, и Флоренция, некогда выгнавшая Данте, признала-таки гениальность поэта. Сам великий ваятель Микеланджело выхлопотал у папы Льва X возможность для торжественного перенесения останков Данте в родной город. Однако когда гроб прибыл из Равенны во Флоренцию,

оказалось, что он... пуст. Видно, еще два века назад предусмотрительные монахи-францисканцы вывезли прах поэта подальше от гнева тогдашнего папы и тайно погребли его, предположительно, в монастыре своего ордена в Сиене. Однако когда в 1519 году к францисканцам Сиены прибыл посланник из Флоренции, то и там ничего не обнаружил. Словом, флорентийское перезахоронение Данте пришлось отложить. Папе Льву X предоставили две версии происшедшего: останки похитили неизвестные или... сам Данте явился и забрал свой прах. Невероятно, но просвещенный папа выбрал вторую версию! Видно, и он уверовал в мистическую природу поэта Данте.

Прошли века, и к празднованию 600-летия со дня рождения гениального поэта решено было провести реставрацию церкви Сан-Франческо в Равенне. Весной 1865 года строители пробили одну из стен и нашли деревянный ящик с вырезанной надписью: «Кости Данте положил сюда Антонио Санти в 1677 году». Кто такой этот Антонио, не был ли он в родстве с семейством живописца Рафаэля (ведь тот тоже был Санти, хоть и скончался еще в 1520 году), неизвестно, но находка стала международной сенсацией. Останки Данте в присутствии представителей разных стран перенесли в мавзолей Данте в Равенне, где они и покоятся до сих пор.

Но если вы думаете, что не настало время сенсации номер два, то вы ошибаетесь. Правда, ждать пришлось долго — еще полтора века. В 1999 году в Национальной библиотеке

Флоренции решено было провести небольшую реконструкцию. Рабочие, передвигая стеллажи, обнаружили среди редких книг, упавших на пол, конверт с... прахом Данте. Да-да, в конверте размером 11,5 на 7 сантиметров лежал пепел и бумага в черной рамке с печатями Равенны, подтверждающими: «Это прах Данте Алигьери». Вызванный тут же глава Итальянского общества Данте Франческо Маццони (интересно, что все приближенные к поэту оказываются своеобразными «францисканцами») пришел в ужас. Впрочем, когда мистический трепет прошел, он попытался поразмышлять логически: если существует некремированное тело, то откуда взяться пеплу?! И откуда вообще появился конверт в библиотеке?! Между прочим, рабочие, суеверно крестясь, божились, что они уже перебирали этот стеллаж и никакого конверта там не было. По страницам мировых газет уже поползли версии о том, что мистический Данте сам подбросил конверт, дабы пошутить или попугать – тут версии расходились.

Доктор Франческо Маццони, конечно, знал о мистической славе Данте, но все-таки предпринял собственное расследование. И вот что он выяснил. В 1865 году, на 600-летие поэта, гроб с обретенными останками выставили на всеобщее обозрение. Стоял он на ковре. После церемонии скульптор Энрике Пацци бережно свернул ковер, думая, что на нем могли остаться частицы праха и негоже бросать их как попало. Так что ковер сожгли. Пепел запечатали в шесть кон-

вертов. И на каждом почтенный нотариус Сатурнино Малагола проставил печати и надписал ничтоже сумняшеся: «Это прах Данте Алигьери». И что еще характерно: конверты после церемонии отослали из Равенны во Флоренцию – все-таки Данте был родом оттуда.

После расследования доктора Маццони итальянцы вспомнили, что несколько лет назад в здании флорентийского сената был найден конверт с такой же надписью. Правда, тогда это сочли чьей-то глупой шуткой. Так что теперь дело за малым – найти оставшиеся конверты. И никакой мистики.

Впрочем, так уж и никакой?.. Почему-то папа Лев X был уверен, что Данте мог бы явиться с того света? Откуда у него основание для такого ошеломляющего заявления?

Оказывается, еще в 1322 году, через восемь месяцев после смерти, поэт проделал нечто подобное. Тогда его семья сильно горевала, ведь их кормилец скончался внезапно, не успев отослать издателю окончание «Божественной комедии» – 35 песен из «Рая», за которые издатель пообещал выплатить семье гонорар. Сыновья рьяно искали рукопись, ведь они знали, что отец закончил ее. Но он жил в изгнании и в вечном страхе ареста. Поэтому неудивительно, что он спрятал рукопись в надежный тайник.

То, что случилось дальше, – одна из самых таинственных историй в мире искусств. Вот что написал старший сын Данте – Якопо Алигьери: «Ровно через восемь месяцев после смерти отца, на исходе ночи он сам явился ко мне в бело-

снежных одеждах... Тогда я спросил... где спрятаны песни, которые мы тщетно ищем уже столько времени? И он... взял меня за руку, провел в горницу и указал на стену: «Здесь вы найдете то, что ищете!»

Очнувшись, Якопо кинулся к стене, откинул циновку и обнаружил тайную нишу, где и лежала рукопись. Выходит, великий Данте все же смог прийти из горного мира в наш. Но если он поступил так однажды, то почему бы ему не приходить сюда и потом? Может, потому папа Лев X сделал в свое время такое заявление?..

Заговор дожа, или Как второй раз стать догарессой

Этот заговор уникален в своем роде: в первый и последний раз мятеж в Венеции поднял ее собственный глава – венецианский дож. На современников это произвело самое удручающее впечатление. И венецианцы постарались забыть его имя на 400 лет – вплоть до середины XVIII века. Но и тогда его вспоминали с трудом, даже не знали, как правильно звучало имя изменника – то ли Марин Фальеро, то ли Фальери. В конце концов остановились на венецианском диалекте – Марино Фальер. Но в начале XIX века его имя подняли на щит романтики. Для них оно означало не предателя, а борца с тиранией, ведь он выступил против всесильных властей города-государства.

Однако последующие историки отвергли эту версию. Им Фальер увиделся не тираноборцем, а, напротив, властителем, стремившимся к единоличному правлению. Открылось и сенсационно-парадоксальное продолжение: заговор не только привел дожа-преступника на плаху, но его обидчика на... место дожа. А вот супругой у обоих выступила одна и та же венецианка, ставшая догарессой во второй раз.

События эти начались 11 сентября 1354 года, когда блестящий венецианский патриций – полководец и дипломат

Марино Фальер был избран 55-м дожем Венеции. Этот уникальный государственный пост давался пожизненно и делал своего обладателя государем Венецианской республики. Вот только реальная власть и права дожа были строго ограничены. На деле всем заправляли Большой совет и Совет десяти, который являлся и судом, и трибуналом, и карающей рукой – этаким своеобразной государственной инквизицией. Именно с его подачи Фальер и был избран дожем, и невиданное дело – заочно, поскольку находился в Риме, улаживая при папском дворе дела Венеции.

Богатый, властный и честолюбивый, Фальер слыл «лучшим из венецианцев». Как дипломат он не раз успешно разрешал споры с соседями Венеции. Как полководец выиграл немало битв. При осаде города Зары он разбил 80-тысячную армию венгерского короля, а командуя флотом республики, победил в легендарном сражении под Капо д’Истрией. К тому же он давно перешагнул 60 лет – почтенный возраст, с которого, как гласит закон, можно выбирать мудрого дожа. Теперь ему почти восемьдесят. Словом, Фальер был убежден, что его избрание дожем – наилучший выход. Только вот Судьба, возможно, думала иначе...

Она подавала честолюбивому правителю собственные – роковые знаки. Когда он, вернувшись в Венецию, направлялся по каналу ко Дворцу дожей, началась буря. Величественная ладья дожа «Буцентавр» не смогла войти в канал, и Фальеру пришлось пересечь в маленькую юркую гондолу.

Но когда та, пропетляв по каналу Сан-Марко, сумела причалить, Фальер с ужасом увидел, что его высадили не перед Дворцом дожей, а левее – на том самом Проклятом месте, где вот уже сотни лет устраивались казни преступников. И это явно было не к добру...

Самым роковым образом прошел и традиционный обряд «Обручения Венеции с морем». Нет, поначалу все шло претоллично. В залив вышла барка, задрапированная малиновым бархатом, в которой сидело высшее духовенство города. Святые отцы читали молитву, благословляя морские волны. За кораблем духовенства в благословенные воды в сопровождении лодок со знатными венецианцами устремился величественный «Буцентавр». На его палубе на алом троне гордо восседал Марино Фальер в горностаевой мантии. На голове его блистала корона дожа, украшенная 70 редчайшими алмазами, рубинами и изумрудами, не говоря уже об отборном жемчуге. Когда галера дожа вышла к острову Лидо, Фальер торжественно поднялся с трона и крикнул: «Мы обручаемся с тобой в знак истинной и вечной власти!» И новый дож бросил в морские волны золотой перстень.

Во дворец Марино вернулся взволнованным. Сунул руку в потайную складку парадного одеяния, надеясь найти там платок, чтобы вытереть пот со лба, но пальцы нащупали массивное кольцо. Покрывшись холодным потом, Фальер вынул его и ахнул – это был тот самый перстень дожа, который он бросил в волны Адриатики.

Как это могло случиться?! Неужели море не приняло его дар и обручение не состоялось?! Какой плохой знак... Однако поначалу дела у нового дожа складывались удачно. Венеция процветала, и ее благополучию не угрожали ни новые войны, ни эпидемии. Повезло Фальеру и в личной жизни. Он сумел жениться на молоденькой и весьма привлекательной дочери своего старинного приятеля. Однако у прелестной Анджолины еще с девических времен оставалось множество пылких поклонников. Ну да это не беда, уговаривал себя старик муж. Пусть все видят, какую красавицу ему удалось заполучить, и завидуют!

Стараясь угодить юной жене-догарессе, Марино часто организовывал великолепные праздники, столь любимые венецианцами. Весной 1355 года он устроил в собственном палаццо блестящий маскарад, собрав одни только сливки венецианской аристократии. Старику так хотелось погордиться прелестной молодой женой. И надо же было случиться, что на этот праздник пробрался ее прежний поклонник – юный красавчик Микеле Стено, который, не особенно церемонясь, у всех на глазах крепко поцеловал трепещущую деву в алом маскарадном костюме. Присутствующие ахнули. Все отлично знали: под маской Алой девы скрывается догаресса. Знал об этом и Фальер и потому недолго думая приказал слугам вытолкать безобразника вон. Юноша оскорбился: поцелуи на маскараде были обычным делом того времени. За что же старик Фальер выгонял благородного юношу из богатой,

уважаемой семьи? Да к тому же делал это прилюдно, сознательно унижая Стено в глазах всех венецианских патрициев, а главное – на глазах прелестной Анджолины!

Словом, выгнанный юноша решил отомстить. Он пробрался во Дворец дожей и на спинке дубового кресла правителя в Зале Совета десяти вырезал ножом оскорбительную надпись:

«Фальер содержит красавицу жену, а пользуются ею другие». Надпись, конечно, прочли, автора сыскали и по требованию взбешенного дожа бросили в одну из камер Пьомбо. Состоялся суд, но вердикт был странно легок: всего лишь год изгнания из Венеции. Впрочем, что тут странного? Венеция известна своими распущенными нравами. Станным стало другое: члены Совета десяти начали ухмыляться за спиной дожа: «А может, надпись не лжет? Не станет же юная красotka хранить верность мужу-старiku?»

От таких ухмылок Фальер чуть рассудком не помутился. Что с того, что его жена любит повеселиться, все равно она – честная женщина. А вот члены Совета оказались презренными людьми и нанесли ему страшное оскорбление. Такого нельзя прощать! Как нельзя прощать разнузданные нравы, царящие в городе, между прочим, с попустительства властей. Да и вообще разве это власти?! Вся сила их рассредоточена по разным Советам. Это же куча бесполезного народа. Нет – Венеции нужен единоличный правитель! И им должен стать он сам – умный, храбрый и благородный Марино Фальер.

Дождь решил на заговор. Привлек на свою сторону служителей Арсенала во главе со старым другом Бертуччио и личную охрану. Оказалось, даже среди самых знатных патрициев нашлась сотня недовольных нынешними порядками. Был разработан простой план. 15 апреля 1355 года, когда члены Совета десяти и Большого совета соберутся на общее заседание, звонарь колокольни Сан-Марко, тоже вовлеченный в заговор, ударит в колокол, а Бертуччио с охраной накрепко закроют непробиваемые двери дворца. И никто не сможет прийти на помощь представителям старой власти, когда их схватят и бросят в тюрьму. Ну а затем народу объявят о начале единоличного правления дожа Марино Фальера.

Однако заговор не удался. Бертуччио, не думая ни о чем плохом, предупредил своего приятеля, чтобы тот 15 апреля не приходил во Дворец дождей. Приятель заподозрил неладное и известил Совет десяти. Вот так и вышло, что в тюрьме оказался сам Фальер и 10 его активных сторонников.

17 апреля ему вынесли смертный приговор, а 18-го отрубили голову на том самом Проклятом месте, где по роковому стечению обстоятельств его высадила гондола при Первом входе в город. Казнили и всех сторонников мятежника. А вот супруге дожа Анджолине удалось бежать из Венеции. Говорят, ей помогли родственники Микеле Стено. Может, юноша чувствовал свою вину? А вот и нет – Микеле любил прелестную Анджолину! И доказал это, впоследствии женившись на ней. И вот парадокс Судьбы – через несколь-

ко десятилетий Стено тоже стал дожем Венецианской республики. Тогда он и сделал невозможное – предоставил возлюбленной Анджолине стать догарессой второй раз. Не ради этого ли все было затеяно: провокация Микеле Стено, озлобленная гордость Фальера, заговор и казнь? И не юная ли Анджолина была автором этого трагического спектакля?..

Маршал Франции Жиль де Ре: оправдание через века

Аббат де Вальми отложил рукопись и потер окоченевшие руки. И почему архивы всегда держат в подвалах? Сырость, холод, сквозняки. А у аббата артрит. Руки крючит, ноги болят. Ничего не поделаешь – отказаться от архивной работы невозможно. Сам папа римский благословил его со товарищи на этот труд – подготовить канонизацию святой деви Жанны д'Арк.

Нелегкое это дело, и история запутанная. Ну как, скажите, простая крестьянская девчонка из деревушки Домреми смогла пробраться к самому королю Карлу VII? Да ее и близко бы никто не подпустил! Но вот теперь, прочтя грудку старинных бумаг XV века, аббат Вальми узнал, что Жанну привел во дворец самый известный и богатый аристократ того времени, ближайший друг короля, да еще и родственник – барон Жиль де Ре, потомок знатнейших родов Монморанси и Креон. Жиль не просто был сподвижником короля, но и его казначеем, ибо на собственные баснословные средства он содержал всю королевскую жизнь: финансировал королевскую армию, оплачивал содержание королевского двора – турниры, пиры, охоты. Ведь Карл VII был не просто слабавольным, мало на что годным правителем, но и практически

нищим.

Именно этот Жиль де Ре быстро и искренне поверил в божественное предназначение Жанны д'Арк и сумел убедить короля начать военные действия против англичан в давно уже тлевшей Столетней войне, разорившей Францию. Барон де Ре стал во главе войска, а дева Жанна стала его вдохновительницей. Войска одерживали одну триумфальную победу за другой. И когда 17 июля 1429 года в Реймсе Карл наконец официально короновался на французский престол, барон де Ре получил звание маршала. И вполне заслуженно! Ведь если бы не его талант полководца, неизвестно, как сложилась бы судьба Франции. А барону тогда шел всего двадцать пятый год. Много позже, разве только в армии Наполеона, появятся военачальники столь молодого возраста. Но все равно Жиль де Ре останется самым молодым маршалом в истории Франции.

Трагедия произошла, когда Карл зачем-то отозвал Жилия из армии. В 1430 году в схватке под Компьеном Жанна попала в плен к бургундцам, а те отдали ее англичанам. Король, правда, мог выкупить пленницу, но не пожелал. Он завидовал народной славе Жанны. Тогда Жиль собрал свой отряд и двинулся на Руан, где держали пленницу. Увы, он опоздал. 30 мая 1431 года деву сожгли заживо, как ведьму. В гневе Жиль опустошил владения нескольких сочувствующих англичанам вельмож. Он не привык к неудачам и не собирался сдаваться. Но на все нужны были деньги, а содержание коро-

левского двора с бесконечными балами и развлечениями истощило казну даже такого богатейшего барона, как Жиль де Ре. Он заложил свои земли самым жадным вельможам того времени – герцогу Иоанну V Бретонскому и епископу Жану де Малеструа. Но этого было мало. И тогда барон Жиль де Ре решил добыть деньги алхимией. Ах, если бы не это дурацкое занятие, из маршала де Ре получился отличный герой – под стать деве Жанне!

Аббат вздохнул. Перед глазами вновь проплыли толстые тома дела церковного трибунала, состоявшегося в октябре 1440 года. Потомок благородных родов, бесстрашный воин Жиль де Ре обвинялся в черной магии. Чтобы добыть золото ворожбой, он пригласил известного колдуна, магистра черной магии – итальянца Франческо Прелати. Отдал ему в распоряжение родовые замки Тиффож, Машкуль и Шантосе. День и ночь там кипели котлы и раздавались нечеловеческие вопли невинных жертв, ибо колдун требовал достать кровь младенцев, которых он и варил заживо. Чтобы заманивать в зловещий замок детей, Жиль нанял целую сеть злодеев. Зловещая старуха Перина Мартен заманивала крестьянских детей, а некий господин Брикевиль привозил жертв из разных городов страны. За несколько лет в ужасных подвалах чудовищного барона погибло 800 детей.

Но злодеяния не остаются безнаказанными. Епископ Нанта, сеньор Малеструа, тот самый, у которого Жиль занимал деньги, возбудил процесс против этого слуги дьявола. Да-

же колдун Прелати и старуха Мартен отреклись от его чудовищных деяний, ибо они делали просто то, что им приказали. Родители загубленных детей рыдали и молили судей воздать убийце по заслугам. И вот утром 26 октября 1440 года тридцатилетнего Жилия де Ре, обвиненного в убийствах и колдовстве, сожгли. Говорят, в течение всего процесса он пытался отрицать вину, кричал о невинности. Но его отвели в камеру пыток. Глупец, разве можно спорить с церковным судом?! Конечно, он сознался...

Аббат де Вальми медленно поднялся. Кардинал ждет его с докладом, а он все медлит, пытаясь решить для себя загадку – как мог благородный герой войны превратиться в такого монстра?.. Нет, здесь явно что-то не так. По всему видно, барона де Ре отличало мужество и пытливость ума – не отсюда ли опыты в алхимии? Но ведь тогда ею увлекались многие. Но никто другой не занялся убийством детей. Впрочем, правда ли, что именно честный воин, не раз рисковавший жизнью на поле боя и отвоевавший трон для Карла, дошел до такого?! Аббат вздохнул. Не его дело заниматься оправданием Жилия де Ре. Он должен подобрать бумаги о жизни святой Жанны. Кардинал ждет доклада...

Впрочем, Ватиканская комиссия по канонизации не спешила. Уже и аббат де Вальми отдал богу душу, и XX век отсчитал два десятилетия, когда, наконец, в 1920 году Жанну д'Арк канонизировали. Теперь она официально стала Святой девой – символом Франции. А Жиль де Ре остался зло-

деем, а с легкой руки сказочника Шарля Перро и героем его сказки о Синей Бороде. Правда, Жиль не убивал жен (единственная его жена сама ушла от него), зато погубил столько детей!.. Воистину чудовище...

Но так ли это?! XX век стал пересматривать многие тайны истории. Во Франции изучением необъяснимых злодеяний Жилья де Ре занялся известный писатель-историк Жильбер Пруто. Он и его единомышленники из Общества друзей Жилья де Ре – историки, искусствоведы, даже адвокаты – не один десяток лет собирали документы, касающиеся давнего чудовищного суда. Это же стеллажи документов! И как все это взять на процесс, который они задумали провести?

На дворе 1992 год. Кончается второе тысячелетие. Неужели и в третьем люди будут считать Жилья де Ре маньяком-убийцей?! Пруто с товарищами побывал во всех трех замках барона, обследовал Тиффож, Машкуль и Шантосе. Лучше всего время сохранило Машкуль. До сих пор мороз пробирает по коже от одного вида вздымающихся древних стен этого мрачного замка. В расщелинах камней пробиваются дикие алые гвоздики. Местные жители до сих пор уверены, что это проступает кровь невинных младенцев. И действительно, в холодном склепе замка лежит полуразрушенная плита с непонятными символами: алтарь для магии Жилья де Ре. Значит, магия – черная или белая – все же практиковалась. Но вот с поисками жертв команде Пруто не повезло. Со всеми средствами, доступными технике XX века, эн-

тузиасты вскрыли подвалы Машкуля, которые, по преданию, были забиты убиенными младенцами, – ничего! Взрыли землю в округе – тоже ничего. Да и в подвалах Тиффожа и Шантосе никаких скелетов. Правда, в отдалении от Тиффожа два скелета все-таки нашлись. Но весьма великовозрастные. Да и лежали они у проезжей дороги. Так что, скорее всего, это были жертвы разбойников.

Но куда же подевались 800 убиенных младенцев?! Пришлось пересмотреть судебные хроники. Оказалось, уже через неделю сам суд сократил количество жертв до 140. Потом и вообще называлась цифра 36. А из сотен безутешных родителей на том давнем суде почему-то дали показания всего 10. Выходит, достоверно известно, что всего 10 детей пропали за несколько лет, да еще и в разных городах большой французской провинции. К тому же из сопоставлений старых бумаг видно – крестьяне, дававшие показания, неожиданно разбогатели. Даже пооткрывали свои лавочки и трактиры. Выходит, их подкупили для того, чтобы они дали свои «верные и правдивые свидетельства»...

Наиболее странными выглядели истории колдуна Прелати и старухи Мартен. Они так поразили «справедливый суд» своими красочными покаяниями, что... их отпустили на все четыре стороны. Сторона Прелати вела напрямик к замку герцога Бретонского, того самого, которому Жиль заложил свои земли. Алчный герцог решил взять итальянца личным магом. Но как забавны извивы судьбы! Не прошло и несколь-

ких месяцев службы, как Прелати поймали на краже. И вот за эту-то бытовуху он и был повешен.

Чрезвычайно странная история! Пруто прочел столько бумаг – фактов и свидетельств, что мог представить себе и тех далеких людей, и события. Он словно видел слабого, бесхарактерного короля Карла, не решившегося спасти Жанну д'Арк. Потом, наверное, король каялся в своей слабости. Ему стал неприятен и Жиль де Ре. Монарх начал его бояться. Ведь Жиль прямо обвинял его в предательстве Орлеанской девы. Да еще с какой страстью – можно подумать, сам влюбился в эту деву! Не потому ли Карл не встал на защиту Жилия?

А вот еще славная парочка – грозный, прямой как палка епископ Жан де Малеструа и жадный пронырливый герцог Иоанн V Бретонский. Это они правили суд: Малеструа – от имени церкви, герцог – от светских властей. Но разве не им маршал заложил свои лучшие земли – плодородные поля, заливные луга, приносившие каждый год огромный доход? И разве не тревожило их, что Жиль может выкупить свой залог? А вот имущество преступника выкупить уже нельзя – оно навсегда отходит кредиторам. Так что герцогу и епископу было выгодно спровоцировать осуждение Жилия.

Но что же сам барон де Ре – мрачный злодей Средневековья? Чем больше Жильбер Пруто читал старинные документы, тем яснее убеждался – Жиль просто выпадал из своего вероломного и корыстолюбивого времени. Его не жа-

ловали современники. Он не ужился в чванливом окружении короля. Ведь барон был блестяще образован, знал греческий и латынь, писал духовно-философские трактаты, обожал церковную музыку. В его знаменитой библиотеке хранились редчайшие манускрипты в богатейших переплетах. Он любил читать древних римлян – Овидия, Валерия Максима, Светония. Пока он правил в своих замках, со всех концов Франции туда тянулись поэты, музыканты, художники. Знали, что барон пригреет, защитит да еще и заплатит звонкой монетой. И не его вина, что монеты так быстро закончились. Его вина – что свои дела он решил поправить запрещенной магией. Словом, сам дал недругам законное оружие против себя. А уж воспользоваться этим оказалось на руку всем – и королю, и епископу, и герцогу, и многочисленной родне Жилия де Ре.

В 1992 году историко-правовой процесс рассмотрел все сведения о жизни и прегрешениях барона Жилия де Ре. Группа от лица средневековой церкви и светских феодалов обвиняла группу выступающих от лица Жилия. Группа Жилия разбила почти все обвинения. Вердикт этого общественно-исторического суда был таков: да, маршал занимался магией, но человеческих жертвоприношений не совершалось. И стоит помнить, что тогда магией занималась почти вся знать Европы, правда, занималась тайно. Жилию не повезло – его тайна выплыла наружу.

После процесса «друзья Жилия де Ре» радостной толпой

свалились в близлежащий ресторанчик. Полетели в потолок пробки шампанского. Зазвенели бокалы. Пропировали до полуночи. Но и вернувшись домой, Жильбер Пруто все не мог успокоиться. Кажется, дело выиграно. Маршал де Ре оправдан. Но остался самый главный вопрос: зачем Жиль занимался этой проклятой магией? Разве он не знал, что при таком занятии раньше или позже остается один путь – на костер?! Неужели он, хозяин богатейших угодий и замков, так маниакально боялся остаться нищим? Ну ладно, могли отобрать за долги один из замков, но ведь их было чуть не десяток. Нет, дело явно в чем-то другом... Но в чем?

Пруто вспомнил, что читал, как на одном из последних допросов Жиль де Ре прохрипел трибуналу: «Я сознался в самых страшных грехах. Большого не скажу – не ждите!» Выходит, судьи и после признания в магии и убийствах чего-то ждали? Чего?!

Пруто в который раз начал лихорадочно перелистывать свои краткие записи, которые делал, пока изучал архивные документы. Вот оно... Неужели он вдруг нашел то, что видел, но не понимал все эти годы?..

В одном старинном трактате просочилось краткое упоминание: богомерзкий барон своей проклятой магией хотел воскресить подружку-ведьму. Воскрешение человека... Не об этом ли жаждали услышать члены трибунала? Почти все они были немолоды, их очередь отправляться на тот свет уже подходила, а тут вдруг – рецепт воскрешения!.. Он стоил лю-

бых пыток...

Но кто такая «подружка-ведьма» Жилия де Ре? Не о Жанне ли д'Арк идет речь? Ведь это ее, как ведьму, сожгли на костре. Так неужели Жиль не пожалел ни денег, ни доброго имени, ни даже собственной жизни именно для того, чтобы воскресить Жанну?! Но тогда это и вправду была любовь...

Франциск I: тайна рождения и престола

Король Франции Франциск I Валуа (1494–1547), правивший страной более 30 лет (с 1515 по 1547), по праву признается одним из выдающихся европейских государей. При нем во Франции начались победы на военном фронте, экономический рост и расцвет французской культуры: живописи, архитектуры, литературы и скульптуры. Позже именно этот период назовут блистательной эпохой французского Возрождения.

Франциск был человеком огромного роста и неисчерпаемого жизнелюбия, обожал жизнь во всех ее проявлениях – от духовных восторгов до радостей любви. Король жил со вкусом и на широкую ногу. Обожал праздники, пиры, маскарады. У него было три главных страсти: охота, женщины и, как ни странно, живопись. Недаром именно он пригласил в 1516 году из раздираемой внутренними противоречиями Италии гения Возрождения Леонардо да Винчи, предоставив ему все возможные условия, включая небольшой уютный особняк Кло-Люсе, соединенный подземной галереей с прекраснейшим замком Амбуаз. Король имел множество оригинальных и грандиозных планов в отношении Леонардо, но, понимая, что гений уже сильно отягчен годами и бо-

лезнями, не принуждал того к работе. Когда же 2 мая 1519 года да Винчи окончил свой земной путь, Франциск похоронил его в Амбуазе в капелле Сен-Юбер со всеми возможными почестями. Словом, король Франциск был лучшим королем династии Валуа.

Ж. Клуэ. Портрет Франциска I. Ок. 1525

Вот только по большому счету Франциск не был Валуа. Он принадлежал к младшей ветви Орлеанского дома. Его отцом был граф Карл Ангулемский, а матерью Луиза Савойская. При этом Карл умер в 1496 году, так что Франциск с 2 лет находился под влиянием матери. Луиза Савойская родилась в 1475 году, и уже в 12 лет ее выдали замуж за Карла Ангулемского. Окружающие почти не принимали ее в расчет, считая недалекой и легкомысленной. Но, потеряв мужа и защитника в 21 год, Луиза не отчаялась и не сломилась. Она посвятила себя сыну, и надо сказать, Франциск тоже трепетно обожал ее всю жизнь. Да и Луиза посвятила всю себя тому, чтобы ее ненаглядный сыночек взошел-таки на французский трон. А это было непросто: на престоле был Людовик XII, представитель старшей ветви Орлеанского дома, то есть истинный Валуа.

Однако «легкомысленная» Луиза Савойская умела ладить с судьбой и добиваться, чего хотела. Собственно, она и сына своего добилась в тяжелой борьбе с роком. Изначально в браке с Карлом Ангулемским у Луизы рождались девочки, наследника же не было. Но надо было знать Луизу. Она мечтала о сыне днем и ночью. И вот в 1489 году ей посоветовали навестить отшельника Франциска Паолийского, который славился своими предсказаниями. Луиза тут же отпра-

вилась к отшельнику. Сухонький старичок принял ее в крохотном домике на одну келью, стоявшем посреди удивительного сада. Сад сей был взращен не людскими стараниями, но самой природой: полевые и луговые цветы, выросшие, словно на огромных клумбах, имели и большой рост, и чудный аромат. Отшельник протянул Луизе огромный раскрывшийся алый мак и опустил на колени. Луиза ахнула. Она была всего лишь графиней, и негоже ей допускать, чтобы святой отшельник встречал ее столь торжественно. Но Франциск прошептал: «Приветствую королеву-мать!» Растерянная Луиза сконфузилась: «Я всего лишь графиня Ангулемская, и у меня нет сына...» Но отшельник прошептал: «Если назовешь его, как и меня, в честь святого Франциска, у тебя родится сын. Больше того, он станет великим королем и прославит страну!»

Прошло пять лет, и в 1494 году у настырной Луизы родился-таки сын, конечно окрещенный Франциском – воистину вымоленный ребенок. Впрочем, до королевской короны ему было далеко. Правивший король Людовик XII женился в 1499 году на Анне Бретонской, ожидая прямого наследника. Так что от наследников второй очереди трон отодвигался все дальше и дальше. Но Луиза не отчаивалась. Она постоянно посещала отшельника Франциска Паолийского. И каждый раз, провожая свою гостью, отшельник давал ей цветок из своего сада, повторяя: «Ждите!» Луиза засушивала цветы в молитвеннике и ждала. Чего? А бог знает... Она

даже попыталась забыть о «королевском» предсказании. Ее сын ведь Ангулем, не Валуа. Однако вскоре после свадьбы, в конце 1499 года, королева Анна родила дочь – Клод. Потом королева еще много раз пыталась произвести наследника, но, увы, младенцы рождались либо мертвыми, либо вскоре умирали. А Луиза Савойская ждала...

Веселая и легкомысленная со стороны, но предусмотрительная и хваткая на самом деле, Луиза разработала план действия. Она сумела подружиться с королем Людовиком, но никак не могла очаровать королеву Анну. Тщеславная бретонка, понимая, что наследие трона пойдет через ее старшую дочку Клод, возжелала заполучить в зятя сына испанского короля Филиппа Красивого. Вот еще в какие давние года гонялись за заграничными принцами! Анна даже попыталась в 1504 году отослать в Испанию драгоценности французской короны, чтобы ими соблазнить испанского принца. Да Анна Бретонская готова была выдать Клод замуж, даже закрыв глаза на то, что бедняжке всего-то 5 лет! В то время король Людовик болел, но хорошо, хоть его приближенный маршал де Гийе сумел перехватить обоз с драгоценностями. Оправившийся Людовик в гневе аннулировал брачный договор, заключенный за его спиной. В этом короля поддержали Генеральные штаты, собравшиеся в Туре. Ведь если бы Клод выдали замуж за испанского принца, во Франции стал бы править испанец.

Вот тут-то на арену и выступила умеющая ждать свое-

го часа Луиза Савойская. Ее довод был весом: зачем искать иностранных принцев, если в Орлеанском доме, пусть и во младшей родовой ветви, имеется превосходный французский «принц» – Франциск Ангулемский?! Пусть он женится на Клод, и Валуа продолжат свое правление. Довод подействовал. Да и как могло бы быть иначе: не мог же Франциск Паолийский ошибаться?!

21 мая 1506 года в Пасси состоялась помолвка Франциска Ангулемского и Клод Французской. И с того дня семилетняя девчушка, болезненная и трепетная, безоглядно влюбилась в высокого, статного красавца – почти шестнадцатилетнего Франциска. Тихая Клод смогла выйти замуж за обожаемого Франциска лишь после смерти матери. Та скончалась 9 января 1514 года, а 18 мая Клод и Франциск предстали перед алтарем. Правда – оба в черном, по случаю траура. Но, в каких бы одеждах ни был ее возлюбленный сын, Луиза Савойская была счастлива. Ведь его брак – прямая дорога к трону. Впрочем, оказалось, что радоваться рано...

Через несколько месяцев, 9 октября 1514 года, король Людовик XII... вновь женился на Марии Йоркской, сестре английского короля Генриха VIII, того самого, который прославился потом казнью своих многочисленных жен. Луиза Савойская пришла в ужас, ведь теперь у короля вполне может родиться наследник, и ее бедный сыночек потеряет все надежды на трон. Как всегда в трудную минуту, Луиза бросилась к Франциску Паолийскому. Отшельник, ничуть не вол-

нуясь, протянул гостю терпкую оранжевую астру: «Ждите!» Луиза вернулась в слезах. Чего еще ждать – нового наследника короля Людовика?..

Но, видно, прозорливый отшельник знал, что говорил. Старик Людовик не выдержал развлечений с молодой женой – скончался прямо на супружеском ложе в замке Турнель рядом с Бастилией. 1 января 1515 года герольды на улицах Парижа прокричали: «Умер добрый король Людовик!» Луиза кинулась готовиться к коронации – известно же: король умер, да здравствует король – новый властитель Франциск I, ее возлюбленный сын! Если б только Луиза знала, что ей еще предстоит...

Мария Йоркская оказалась вполне достойна своего английского брата-интригана. Она заявила, что король Людовик успел оставить в ее чреве наследника. И пока пол младенца не известен, Франциска короновать рано. С бедной Луизой случился обморок. Несчастная Клод залилась слезами, ведь она тоже носила наследника от обожаемого мужа, которого уже видела на троне как Франциска I. Сам Франциск только скрежетал зубами, но что он мог поделать?!

Луиза, которую все принимали за недалекую особу, очнулась первой. Она приказала собрать наиглавнейших дам страны и позвать Марию. Дамы приказали ей разоблачиться до исподней рубашки. Каково же было изумление и ярая радость Луизы, когда под рубашкой у проходки англичанки обнаружилась подушка, которую та привязывала к животу.

Уже через две недели, 18 января 1515 года, Франциск I принял миропомазание и корону в Реймсском соборе. Благодарственный молебен длился целую вечность – пять часов. И все это время Луиза Савойская простояла на коленях, прижимая к себе молитвенник, в котором хранила засушенные цветы из сада Франциска Паолийского.

Исполнилась ее мечта: она возвела сына на престол, сделав его наследником Валуа. Но о чем она думала? О том, что отшельник оказался прав и ее сын стал королем? О том, что этот сухонький старичок поддержал ее в самое тяжелое время, когда она уже отчаялась иметь сына? А может, она вспоминала, как в 1507 году, когда отшельник умер, приказала достать его тело из простой могилы, куда его положили, и повелела перенести в мавзолей, который специально построила?..

Сразу же после коронации сына Луиза Савойская начала хлопоты о причислении Франциска Паолийского к лику святых. Ведь людей, которым он помог в жизни, были тысячи. Увы, Рим тянул, Святому престолу было не до каких-то там французских отшельников. Историки потом долго гадали: как канонизация отшельника могла свершиться так быстро, ведь кандидатуру той же Жанны д'Арк Ватикан рассматривал чуть не два века. Оказалось, никаких сенсаций: просто в Риме обнаружили деньги, уплаченные Луизой Савойской. Так что 2 апреля 1519 года Франциск Паолийский был канонизирован.

Загадка лондонского Тауэра, или Удостоверение призрачной личности

Этот невероятный судебный процесс не имеет аналогов в мировой истории. Он начался в Лондоне в 1861 году и продолжился несколько лет. За это время военный суд перешел в историческое расследование, которое привело к двум совершенно сенсационным результатам: во-первых, была найдена могила королевы Анны Болейн, во-вторых, ее призрак получил не только реальное подтверждение своего существования, но и удостоверение личности. Да-да, именно так! И это не бред перепившихся судей, а итог разбирательства с участием самых уважаемых историков страны.

***Генрих VIII (работа Ганса Гольбейна) и
Анна Болейн (неизвестный художник)***

Началась эта загадочная и почти абсурдная история в середине благословенного месяца мая 1861 года в Тауэре. Солнце садилось. Последний луч позолотил древние стены. И воцарилась темнота.

Офицер охраны чертыхнулся, обнаружив, что не взял фонарь. Но вдруг сбоку блеснул свет. Кто-то зажег свечи в часовне Святого Петра. Страж был любопытен и непуглив. Конечно, старинные книги рассказывали о множестве призра-

ков Тауэра. Еще бы – за восемь веков существования этот замок вмещал и резиденцию английских королей, и место суда, и тюрьму, и помосты казни, и хранилище королевских сокровищ, и музей, и даже первый английский зоопарк. Но сам офицер ни в каких призраков не верил и потому решил, что кто-то незаконно проник в охраняемое помещение. А следовательно, необходимо принять меры. В два прыжка офицер одолел крохотную площадь перед часовней, приставил лестницу и заглянул внутрь. Но то, что он увидел, заставило его покрепче вцепиться в поручни...

По часовне медленно проходила процессия – человек пятьдесят в богато изукрашенных старинных костюмах. Фигуры плавно покачивались в странном свете, который исходил прямо из пола. По мере приближения к алтарю фигуры пропадали – их словно засасывало под пол. Женщина, шедшая в конце процессии, обернулась. Офицер поймал взгляд ее черных, прекрасных и трагических глаз. Свет вспыхнул в последний раз – и все исчезло. Только и сумел офицер рассмотреть, что на шее незнакомки блестели не драгоценности, а кулон с латинской буквой «В».

Вернувшись в караульное помещение, страж взялся за исторический справочник. Там он прочел, что, по легенде, в часовне Святого Петра покоится прах казненной жены Генриха VIII – красавицы Анны Болейн. Казнь состоялась 19 мая 1536 года. Офицер бросил взгляд на часы – только что пробило полночь. Начиналось 19 мая 1861 года – со дня каз-

ни прошло ровно 325 лет.

Итак, юбилярша вернулась и стала передвигаться по всему замку. Чаще всего караульные сталкивались с ней в коридоре главной башни – именно неподалеку оттуда находилась комната, где Анна провела последние дни перед казнью. Призрак появлялся ночами – весь в белом, иногда, вселяя ужас, без головы. Но кулон с монограммой неизменно светился на шее.

В замке начался настоящий переполох. Несколько солдат и служителей, встретившихся с призрачной королевой, попали в больницу с диагнозом «галлюцинация», еще несколько написали прошения об увольнении. А однажды во время обхода капитан нашел часового без сознания на полу. Когда бедняга пришел в себя, он рассказал, что женщина в белом выплыла из комнаты Анны. Он приказал ей остановиться, но она двигалась прямо на него. Тогда он проткнул ее штыком, но штык прошел, как сквозь воздух. Тут-то он и понял, что это – привидение, и упал в обморок.

Все бы забылось, но в то время в Тауэре ждали посещения правящей королевской семьи. Поведение часового квалифицировали как измену короне, и он предстал перед трибуналом. Вот тут-то другие свидетели тоже подали по начальству свои рапорты. И началось настоящее расследование, к которому военный суд привлек историков. Они и рассказали об Анне Болейн.

Оказалось, что Анна появилась в королевской резиден-

ции в Тауэре в конце января 1533 года, когда английский король Генрих VIII торжественно объявил о своей второй женитьбе. По всему замку – на балдахинах и портьерах, на скатертях и полотенцах – Анна приказала вышить монограмму «В» – первую букву своей фамилии и девиз: «Самая счастливая». Король влюбился в нее еще в 1526 году, когда ему было уже 35 лет, а ей всего 19. Семь лет они ждали. Все были против их брака: и первая жена Генриха – Екатерина Арагонская, на которой он был женат уже больше 20 лет, и папа римский, отказавшийся дать королю разрешение на развод, и придворные, строившие козни, и простой народ, любивший Екатерину и потому возненавидевший Анну. Никто не принимал в расчет, что Анна была образованной, говорила на многих языках, играла на музыкальных инструментах. Зато ее, жившую несколько лет во Франции, мгновенно окрестили «французской шлюхой». Но впрочем, что было королю Генриху до всех? Эгоистичный, вспыльчивый и жестокий, он считал, что мир существует исключительно ради его удовольствий. И если он решил взять вторую жену – юную красавицу, папа римский просто обязан развести его с первой – старой и надоевшей. Если же папа этого не сделает, Генрих обойдется и без него. А папа пусть вообще теряет власть над Англией!

Сказано – сделано. Генрих VIII отринул католицизм и провозгласил независимую от Рима англиканскую церковь. Ее главой стал он сам. Ну может ли хоть одно государство по-

хвастаться тем, что из-за любви короля к женщине вся страна сменила форму исповедания? А Англия может! Правда, большая часть страны восприняла нововведения враждебно. Неудивительно, что враги прозвали Анну черноглазой ведьмой. Тем более что девушка имела телесный знак, который по тем временам приписывался ведьме: на одном из пальцев правой руки у нее было два ногтя. К тому же она умела «варить травы». И потому, когда летом 1528 года в Лондоне начался страшный мор, горожане обвинили в нем Анну. Но самое главное, девица носила закрытые платья. И потому шли разговоры – у нее на теле черные родинки, а под шеей уродливый жировик. Но как же Генрих, ценитель дамских красот, влюбился в такое чучело? Очень просто – объясняла народная молва: поскольку Анна была ведьмой, она опоила короля.

На самом деле Анна была мила и красива. И даже добра, ибо жертвовала бедным большие деньги. Но вот 7 сентября 1533 года вместо ожидаемого наследника престола она разродилась девочкой, и жестокосердный Генрих тут же охладел к бывшей любви. Мог ли он помыслить, что именно эта девочка, которую сам же он впоследствии объявит незаконнорожденной, станет величайшей королевой Англии? Ведь Анна Болейн родила будущую Елизавету I!

Но Генрих не заглядывал в будущее. Он уже присмотрел себе новую возлюбленную, а Анну решил просто казнить. Нашелся и повод: Болейн обвинили в колдовстве, а заодно и

в измене мужу. И прекрасным солнечным днем 19 мая 1536 года отрубили ей голову в том же Тауэре, где и короновали за три года до этого.

Король ждал известия о казни в лодке на Темзе. Говорят, услышав оповещающий залп, он притопнул ногой и воскликнул: «Дело сделано! Будем веселиться!» Наутро он обвенчался с новой королевой – Джейн Сеймур.

Рассказы историков были длинными, суд слушал их с удовольствием. Это же бесплатное образование! Процесс длился несколько лет. Но все имеет конец, закончились и исторические экскурсии. «Всем известно, – заявили наконец историки, – что призраки чаще всего появляются на месте своего упокоения, однако где могила Анны Болейн, неизвестно». И тогда суд решил произвести следственный эксперимент, а именно вскрыть пол в часовне Святого Петра, где офицер охраны впервые увидел странное светящееся шествие. Всех интересовал вопрос: почему Анна явилась именно здесь, были ли для этого реальные основания? И вот осенью 1866 года плотники и каменщики вскрыли старинный пол. Под каменными плитами обнаружилась реальная историческая находка – там действительно оказались останки Анны Болейн и еще почти сотни ее казненных друзей и родственников.

Чтобы подтвердить подлинность королевских останков, подняли бумаги из архива Тауэра. Все подтвердилось: забытая на века, там действительно лежала Анна Болейн с приближенными.

И вот, рассмотрев «дело по существу», заслушав историков, просмотрев архивные документы и опросив современных свидетелей, военный суд признал невероятное – наличие призрака Анны Болейн – и в результате этого оправдал часового. Теперь Анна – единственный в мире призрак, у которого есть официальное решение суда на свое существование. Более того – призраку выданы «свидетельство личности» и «разрешение на проживание в королевском Тауэре». Словом, королям – все по-королевски. Интересно, а случилось бы такое, если б привидением оказалась простая городская девушка?..

Соломония Сабурова: развенчание кровавого мифа

Судьба первой супруги великого русского князя Василия Иоанновича III (впоследствии, как известно, ставшего отцом Ивана Грозного) будоражит воображение историков уже шестой век. Интерес к трагической жизни Соломонии Сабуровой усиливается тем, что вплоть до XVIII века о ней старались не упоминать, забыть, словно погибшей Соломонии и не было. Однако уже в 1741 году появилась одна из первых российских историй «Московская или Российская история», написанная, правда, не русским историком, а немцем Гейденсталем. Там-то и пересказывалась трагическая судьба великой княгини, которую именовали для понятности царицей. С тех пор Соломония Сабурова заняла свое законное место в истории, но имя ее окружалось невероятным количеством легенд. И только историческое расследование, предпринятое в 1934 году, раскрыло правду. И правда эта оказалась воистину сенсационной.

Великий русский князь Василий III Иоаннович венчался с Соломонией Сабуровой 4 сентября 1505 года. Девушка-красавица была выбрана на царских смотринах, куда свезли со всей страны, по одним сведениям, 500 невест, а по другим – и вовсе полторы тысячи. Но из всех Василий выбрал Со-

ломонию Юрьевну Сверчкову-Сабурову (ок. 1490–1542). И выбор был по любви! Супруги прожили вместе ровно 20 лет. Но в 1525 году Василий объявил: раз жена бесплодна, следует развенчаться (то есть развестись) и вступить в новый брак, тем более что новая невеста уже присмотрена – юная красавица Елена Глинская. Подобная царская воля вызвала шок в дворцовом окружении. Самые влиятельные люди выступили против развода, ведь подобного никогда не случалось в царском доме. Венчание являлось таинством Бога, и не в силах человека было его нарушить. Но Василий шел напролом. Выступившего против расторжения брака митрополита Варлаама он лишил сана и сослал, так же как и виднейшего деятеля русской культуры Максима Грека. Не найдя сторонников в своем отечестве, Василий обратился к вселенским патриархам, но и те осудили его. Патриарх Иерусалимский Марк отписал в Московию разгневанное письмо, отказав Василию в развенчании. Однако Василий сумел уговорить московского патриарха Даниила, и тот дал согласие провести церемонию. Соломонию развенчали с Василием и 25 ноября 1525 года постригли в монахини в Богородице-Рождественском монастыре Москвы. Естественно, постриг был совершен насильно. Соломония сопротивлялась до последнего: царапалась и не хотела идти добром. Тогда один из бояр-надзирателей ударил ее со словами: «Как ты смеешь противиться воле государя?» И Соломония, сверкнув очами, ответила: «Бог отомстит моему гонителю!» Все-таки храбрая и неукроти-

мая была женщина...

Но знаете, что симптоматично: не в одной Московии вдруг случилось царское развенчание после 20 лет безоблачной жизни в любви и согласии, а потом постриг бывшей жены в монахини – и все это из-за молоденькой новой возлюбленной монарха. Поведение Василия как две капли воды совпадает с поведением английского монарха Генриха VIII. Тот тоже много лет (1509–1533) жил в согласии с любимой женой Екатериной Арагонской, потом влюбился в Анну Болейн и решил развестись со старой женой. И ему так же, как и Василию, церковные власти не давали разрешения на расторжение брака. И Генрих, как его русский «сотоварищ», выдвигал причиной развода невозможность прежней супруги родить ему наследника. Ну просто поветрие какое-то! Обе старые жены (Екатерина и Соломония) ушли в монастырь. Обе новые супруги родили по ребенку: Глинская – сына Ивана, Болейн – дочь Елизавету. И оба ребенка стали великими правителями: Иваном Грозным и Елизаветой I. Все это происходило на одном временном отрезке: во второй четверти XVI века. Вот вам и парность исторических событий. Или их запрограммированность?..

Но вернемся к Соломонии. По словам старинных легенд, в Москве произошло не просто беспрецедентное развенчание и насильная ссылка нелюбимой жены – случился безбожный обман. Василий ведь утверждал, что ему необходимо развестись потому, что Соломония не может дать ему на-

следника. Но это была ложь! Как раз когда ее постригали в монахини, великая княгиня ждала ребенка. И обманщик Василий об этом отлично знал. И это – не легенды и домыслы, а реальный факт. Нашлись исторические свидетельства двух почтенных женщин – жен казнохранителя Георгия (Юрия) Дмитриевича Малого и постельничего Якова Ивановича Мансурова (Якова Мазура). Они свидетельствовали перед иконами, что Соломония беременна, но их за это сослали со двора, а мужчин еще и побили батогами.

Впрочем, после того, как Соломония родила в Суздальско-Покровском монастыре (куда ее сослали) сына Георгия, Василий отправил на дознание советника Федора Михайловича Ракова, которого звали Третьяком Раком (то есть третьим в своем роду), и дворянина Георгия Никитича Путятина, коего кликали при дворе просто Потатой. Дознаватели потребовали, чтобы Соломония предъявила им сына. Даже объяснили: у Василия и его новой жены Елены Глинской пока не случилось собственного сына, так что сын Соломонии имеет особое значение для государства. Но мудрая Соломония ребенка показать отказалась. Она не хотела, чтобы ее сын попал в жернова дворцовых интриг. И вот тут снова вступает в свои права народная легенда. Она утверждает, что дознаватели нашли и по приказу царя Василия убили несчастного царевича. Правда, есть и иная версия: ребенок, насильно отнятый у матери, не выдержал тяжелой жизни и сам умер. Но ведь все равно – виноват Василий III.

И между прочим, это был первый в истории случай убийства отцом царского младенца. Так что случившиеся потом убийство царем Грозным своего сына, а за ним приказ Годунова об убийстве царского отрока в Угличе – это просто давняя царская традиция. Кстати, в начале XX века именно о ней в гневе вспоминала императрица Александра Федоровна, упрекая своего мужа Николая II в том, что он, отсылая от двorca старца Григория Распутина, хочет убить своего сына Алексея. Ведь только один Распутин мог лечить страшную болезнь наследника – гемофилию. Без помощи старца ребенок действительно мог умереть. «В традиции русских царей убивать своих детей!» – кричала императрица.

Но так ли это? Может, тоже – легенда? Еще в XIX веке историки нашли документы, подтверждающие, что после отъезда дознавателей Третьяка и Потаты младенец Георгий был жив. Но вот вскорости Соломония объявила: ребенок простудился и умер. Нашлись даже свидетельства, что его похоронили в стенах Суздальско-Покровского монастыря. Беднягу одели в роскошную распашонку с жемчугами и похоронили в крошечном гробике. Только в 1934 году при реконструкции этого монастыря рабочие наткнулись на старинный, полуистлевший гробик. Срочно вызвали историков, предположивших, что это останки несчастного сына Соломонии. Но вскрытый гробик произвел истинную сенсацию: никакого младенца там не было! Там лежала тряпичная кукла в распашонке, расшитой жемчугом (!). Находку передали

в Суздальский музей, где она находится и сейчас. Но историю Соломонии пришлось пересмотреть заново. Ее ребенка не убивали, и сам он не умирал. Хитрая и храбрая мать спрятала его от ока Василия, передав верным людям и вместе младенца захоронив тряпочное «чучелко». Выходит, Богомиловал, и не случилось убиения дитяти. Так, может, и другие убийства царских детей – миф, наговор и, скорее всего, страшилки про то, что и богатые тоже плачут?.. Но тогда не было и никакой кровавой традиции, о которой говорила Александра Федоровна, и русские цари все же не убивали своих детей?..

Иван Грозный, не убивающий своего сына

16 января 1913 года в залах Третьяковской галереи, как всегда, было многолюдно. Однако у огромного полотна великого живописца Ильи Ефимовича Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», давно уже прозванного москвичами «Иван Грозный убивает своего сына», народ не толпился. Нет, зрители, конечно, подходили к великой картине, но, взглянув с любопытством, вмиг переходящим в испуг, спешили отойти подальше. Уж слишком натурально и трагично изобразил художник одну из самых кровавых страниц русской истории. Недаром же друг Репина, не менее великий российский живописец И.Н. Крамской, написал, едва увидев картину: «Вот она, вещь в уровень таланту... И как написано, боже, как написано!.. Что такое убийство, совершенное зверем и психопатом?.. Отец ударил своего сына жезлом в висок! Минута... В ужасе закричал, схватил его, присел на пол, приподнял его, зажал одной рукою рану на виске (кровь так и хлещет между щелей пальцев), а сам орет... Это зверь, воющий от ужаса...» Ясно же, что у такой картины зрители не сильно задерживались – смотреть ее нужно было, имея стальные нервы.

И. Репин. Иван Грозный убивает своего сына. 1885

Да только 16 января 1913 года у полотна со сценой убийства почти на четверть часа застыл невзрачный посетитель лет двадцати пяти. Был он небольшого росточку, теребил прядки своих жиденьких волос, смотрел горящими глазищами и вдруг... кинулся к полотну, закричав: «Довольно крови!» В руках безумца сверкнул нож. Первый удар этого но-

жа рассек лицо Ивана Грозного, второй – его сына, третий – руки отца и царевича. Удары были такой силы, что не только рассекли холст, но и пробили подрамник, даже толстенную раму раскололи.

Надо отметить, что вандал сбежать не пытался, только всхлипывал, когда зрители галереи с пришедшими им на помощь посетителями скручивали ему руки. Несколько человек даже признали его – это был сын известного московского мебельного фабриканта Балашова – Абрам.

Изувеченную картину увезли на реставрацию (прошедшую вполне удачно), преступника – сначала в участок, потом – в лечебницу для душевнобольных, где он и окончил свои дни. Только вот москвичи еще долго шептались, что полотно Репина обладает «нехорошим духом» и «черным отсветом». Но ведь и что взять с картины, изображающей такую жуткую сцену: отец в припадке безумия убивает собственного сына-наследника?!

История эта известна всем. Не только в России, но и во всех странах мира знают, что жестокий русский царь Иван Грозный, вспылив, убил сына, царевича Ивана, ударом посоха. Известно и за что: жена царевича поперечила в чем-то Грозному, и тот начал пинать кулаком в живот бедную женщину. А та была на сносях, вот царевич и вступился за молодую жену. Ну тут Грозный и размахнулся на сына. Ну и убил... Зверь... Ирод...

Правда, наш великий историограф Н. Карамзин написал

несколько иное. Он считал, что царевич попросил дать ему войска, чтобы освободить Псков, но Грозный, видящий во всем одну измену, решил, что сын хочет собрать войска против него: «Иоанн в волнении гнева закричал: «Мятежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!» – и поднял руку. Борис Годунов хотел удержать ее, царь дал ему несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровью!»

Впрочем, какие бы версии ни выдвигались – факт был един: отец убивал сына. Да и иноземные историки тех времен отмечали, что вся жизнь русского царства была чудовищной. Царь-убийца скор на расправу. Подданные – дикие звери, варвары. Одно к одному – дикая страна, дикие нравы. Это вам не просвещенная к тому времени благословенная Европа!..

Вот и с картиной Репина сразу же начались твориться дикие вещи. Первый же ее показ на XIII выставке Товарищества передвижников 1885–1886 годов вызвал общественную бурю. Одни превозносили полотно за «правдивую историчность», другие оказались шокированными «такими страстями и количеством крови». В спор вмешались совершенно неожиданно и власти. Правительство обвинило Репина «в клевете на царскую персону», а обер-прокурор Святейшего синода К. Победоносцев забросал императора Александра III письмами, в которых утверждал, что рассказы о самом факте убийства являются откровенной ложью и не стоит рас-

пространять ее в народе. Словом, картину запретили экспонировать и даже подумывали, не уничтожить ли. Спас полотно наш великий собиратель живописи Павел Михайлович Третьяков: взял в свою галерею и показывал тайно. Видящие ужасались и чуть не падали в обморок. Но никто не усомнился в изображенном событии. Но о чем же тогда говорил Победоносцев, называя изображенное ложью? Издавна ведь известно, что изувер Иван Грозный убил своего сына...

Но откуда известно? Сохранились же летописи – они что говорят? Посмотрим...

Царевич Иван Иванович умер в ноябре 1581 года. Наши предки тогда пользовались летоисчислением от сотворения мира, и по их календарю это был 7090 год. И вот в летописях сказано: «...в 12-й час ночи лета 7090 ноября в 17-й день... преставление царевича Иоанна Иоанновича» (Пискоревский летописец), «не стало царевича Иоанна Иоанновича» (Морозовская летопись), «преставися царевич Иоанн Иоаннович» (Московский летописец). И нигде ни слова, что он, бедняга, был убит.

Но ведь Карамзин же писал! Разве есть возможность не верить такому затверженному в веках источнику?! К счастью, возможность всегда есть...

Источником Карамзина об ужасном событии в царской семье служили не свидетельства современников, сохранившиеся в архивах, а рассказы двух иностранцев, побывавших при русском дворе, – Антония Поссевина и Генриха Шта-

дена. Первый из них приехал как посредник в переговорах с польским королем Стефаном Баторием, но на самом деле являлся не миротворцем, а иезуитом, отправленным в Москву с особой миссией – добиться разрешения строить на Руси католические церкви и впоследствии сориентировать двор Ивана Грозного на верность папскому престолу. Но, как заметили позже историки, «надежды папы и старания Поссевина не увенчались успехом». Немецкий же авантюрист Штаден пытался склонить царский двор к условиям Германии, но тоже не преуспел и, когда вернулся обратно к себе, составил злобный проект, где предлагал завоевать Московию силой, монастыри и церкви разрушить, а жителей, «диких и не поддающихся воспитанию», просто... уничтожить. Ясно, что таким «историографам» было выгодно рассказывать на Западе байки о жестоком и ужасном Московском царстве и его царе-сыноубийце. И еще более ясно, что западным правителям было приятно слушать подобные ужастики. Ведь они к тому времени отослали сотни тысяч человек на костры святой инквизиции, перебили, например, во Франции за одну Варфоломеевскую ночь 80 тысяч, а в Германии во время крестьянского восстания 1525 года больше 100 тысяч человек. Стоило бы сравнить это с «кровавой рекой ужасного царя Грозного»: во времена его правления было казнено около 4 тысяч человек. При этом нужно помнить, что две трети из них погибли в боярских смутах, когда Иван IV был еще совсем мал и не участвовал в делах госу-

дарства. Да исходя из этих цифр Грозного стоило бы назвать Милосердным! Вот тут-то и пригодились байки о его жестокости, психическом расстройстве и т. д. и т. п. Впрочем, переводение этих идиотских легенд в реальную историю возможно было опять же только в России, готовой оговорить себя, ничего не проверяя, всему веря на слово, как поверил и весьма доверчивый Карамзин. Поверили и все остальные: учили даты в школе, писали об этом ужасном убийстве книги и картины, отмахиваясь от слов, например, того же знающего Победоносцева: «Нельзя назвать картину [Репина] исторической, так как этот момент [убийство Грозным сына]... чисто фантастический».

То, что убийство царевича – лихая байка ненавидящих Россию людей, стало окончательно доказано только в 60-х годах XX столетия. В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля ученые и медики вскрыли гробницы Ивана Грозного и его сына-царевича. Так вот, в костях отца и сына были обнаружены огромнейшие дозы ртути, называемой тогда сулемой. Проще говоря, оба умерли от отравления. И между прочим, останки царевича показывали, что никаких повреждений – ни костей, ни черепа, типа удара посохом – нет. Так что сын Ивана Грозного умер не от отцовской руки, а от руки отравителей. Ну а когда в 1990-х годах при исследовании останков матери Грозного – Елены Глинской и жены – Анастасии Романовой было обнаружено, что и они погибли от отравления той же сулемой, стало ясно: русские

цари не убивали ни жен, ни детей. Царские семьи преднамеренно травило их боярское окружение. Только не спрашивайте: зачем? Просто все рвались к власти.

Архивная сенсация, или Создание русского Голема

Человечество во все века мечтало о создании искусственного индивида. Впрочем, сей индивид не должен был быть личностью, а скорее удобным слугой. Еще в античные времена мифы древних греков рассказывали о том, как бог-кузнец, умелец Гефест, выковал у себя в мастерской, расположенной в жерле вулкана, железного человека – Колосса. Кости его были из железа, но вот оболочку Гефест сделал Колосу из глины. Отсюда и выражение «колосс на глиняных ногах». Гефест даже просил верховного бога, своего отца Зевса, вдохнуть душу в свое изделие, но мудрый Зевс отказал. Вдохнул лишь простую силу – дабы создание могло работать. Словом, бог-ремесленник грезил о лучшей доле для своего создания, но вот умный верховный бог знал: из мертвой железяки можно сделать только робота.

И в Средние века, и во все последующие алхимики и врачеватели, волхвы и колдуны тоже мечтали создать искусственного человека. Некоторые легенды даже утверждают, что это удалось. В пример приводятся работы великого врача-алхимика, знаменитого Бен-Бецалеля, который, работая при дворе легендарного правителя-мистика Рудольфа II в Праге, примерно в 1580-х годах создал-таки Голема, «чело-

века на глиняных ногах». Правда, те же рассказчики с горечью утверждают, что сей Голем отказался повиноваться своему создателю и Бен-Бецалелю пришлось его разрушить. В начале XIX века усилием книги Мэри Шелли прославился доктор Франкенштейн, который тоже создал искусственного человека, но, увы, был вынужден уничтожить свое создание, ибо оно восстало против своего создателя. Словом, стремясь к искусственному человеку, людям пришлось признать, что сотворить-то его можно, но без Божьей души этот колосс станет врагом человечества.

Однако в России издавна существуют сказки про «железного мужика», и, между прочим, наши мудрые предки не топились наделять своих големов ни особым умом, ни знанием. Железное создание предназначалось для простых действий. Как будто издревле русские сказки знали: робот есть робот, и человеком ему не быть.

Впрочем, все это – сказки, мифы и легенды. Но однажды обнаружилась сенсационная новость: неизвестно, как там легендарные Голем с Колоссом, но при дворе русского царя Ивана Грозного реально существовал искусственный «железный мужик». Эта сенсация обнаружилась в конце прошлого, XX века и совершенно случайно. На волне внимания ко всему российскому американский историк английского происхождения Питер Дэнси решил детально заняться изучением русской истории. Получив разрешение, он начал рыться в московских архивах. Естественно, никаких особых

секретов ему не предоставили, он получил лишь письма иностранцев, которые жили в России при дворе Ивана Грозного. Дэнси педантично листал страницы писем, дневников, записок, пока не наткнулся на записи голландского купца Йохана Веема. Сначала шли листы с купеческими отчетами, цифрами и подсчетами. Но далее Дэнси прочел: «Побил железный мужик на потеху пировавшим царского медведя, и бежал медведь от него в ранах». Сначала исследователь подумал, что «железный» – выражение силы «мужика». Но дальнейшие строки говорили о другом: этот мужик был сделан из железа!

Дэнси буквально вгрызся в полуистлевший текст: что мог этот железный человек? Не слишком много: мять в руках нечто (например, медведя), подносить царю чашу, кланяться. Правда, движения его были резкими и угловатыми, но чего ждать от железа?.. Ошеломленный находкой, Питер Дэнси привлек к исследованиям своего коллегу по колледжу – Стива Леннарта, специалиста по робототехнике. Вдвоем приятели перевернули множество писем того времени, которые находились в архивах разных стран. Естественно, поиск шел в тех письмах, которые слали на родину иностранцы, побывавшие в России. И вот – удача! В посланиях двух торговцев, осуществлявших поставки для царского двора, нашлись упоминания о невероятных диковинах, в том числе и о железном человеке. Но был ли он действительно созданием техники или ловкой мистификацией? Одно из писем напрямую

ответило на этот вопрос. Вот что было написано: «Железный мужик прислуживает царю за столом, подает ему кафтан, метет метлой двор. Когда царю возразили, что вещь эта не искусством мастеров сотворенная, царь сначала осерчал. Но, выпив кубок мальвазии, кликнул троих людей мастерского вида... Те открыли спрятанные под одеждой железного мужика крышки, в нем оказались шестерни и пружины, двигавшие руки, ноги и голову. Гости с перепугу протрезвели, а русский царь прихвастнул, что такие слуги были на Руси еще два-три века назад».

Неужели правда?! Исследователи остолбенели от прочитанного. Но в более ранних письмах им не удалось ничего найти. Впрочем, это их не слишком-то огорчило. Ведь и то, что в XVI веке при дворе русского царя нашлись умельцы, способные создать железного робота, – истинная сенсация. И это был первый робот в мировой истории, чье создание подтверждено документально.

Указ Ивана IV, или Развенчание мифа

Каков самый устойчивый миф о России? Верно: страна извечного пьянства. Весь мир в голос твердит об этом. А может, наговаривают? Может, просто выгодно выставить нас пьяными да сиволапыми?

А если дать слово историкам, не опровергнут ли они сей наговор? Вполне – и весьма сенсационно!

Знаете, с чего пошел миф о беспробудном русском пьянстве? С ответа князя Владимира Красное Солнышко магометанским послам, кои возмечтали обратить Русь в свою веру. Ответ князя поведал нам летописец Нестор: «Руси веселие есть пити, а без того не может быти!» Проще говоря, князь Владимир нашел предлог для вежливого отказа от перехода страны в мусульманство, ибо эта религия запрещает винопитие. Только где ж здесь сказано, что Русь вечно напивается в стельку? Тут говорится как раз о противоположном: что на Руси пьют для веселья, а не для опьянения. Словом, сразу же все оказалось поставлено с ног на голову.

Вспомним другое утверждение: «Без водки русский человек жить не может!» А знаете, кто запустил эти слова в общественное сознание? Невероятный проныра, купец греческого происхождения, ставший в России первой половины XIX

века винным откупщиком, – некий Бенардаки. Совместно со своим сотоварищем, тоже винным откупщиком, Алфераки этот грек сумел откупить в казне чуть не половину винного рынка – еще бы им не уверять народ, что тот века не просыхает и что это вполне в его, народа, духе.

Вот только историки считают, что лукавили Бенардаки-Алфераки. Возьмем хотя бы Москву – Первопрестольную столицу. Конечно, у нас холодно и жизнь тяжела. Потому москвичи, что в курных избушках, что в княжьих хоромах, варили медовуху и пиво (не путать с современным напитком; старинные «пивы» – разные наливки-варева, которые пили теплыми зимой или охлажденными летом) издревле – и для сугрева, и для хорошего настроения. Вот только москвичи по улицам пьяными не бродили и в лужах не валялись. Больше того, «веселие» восхвалялось, а пьянство осуждалось. Недаром народ твердо знал церковные слова: «От вина... руки трясутся, колени скорчатся, жилы сволокуются, лицо обрызгло сотворится – и весь человек непотребен явится».

Ну а чтобы такового никто и не сумел созерцать, пили москвичи только в домах. Общественный кабак появился в городе только в 1552 году. Был он открыт по особому указу царя Ивана Грозного, находился не в центре, а на отшибе – на Балчуге и имел особую задачу: там задарма наливали хлебное вино только царским опричникам. Проще говоря, сие заведение играло успокаивающую роль в рядах царских приспешников, надо же где-то приходить в себя после кро-

вавых и ретивых дел опричнины.

Когда же опричнину отменили, в первом московском кабаке стали наливать и простым посетителям, но только за деньги. Однако просуществовал кабак недолго. Благочестивый царь Федор Иоаннович, сын Грозного, чуть не первым своим указом закрыл кабак, ибо было то «место злачное», а «страсти в нем – буйные». Так город опять остался без общественного места распития. И ничего – никаких волнений не случилось.

Однако ко времени воцарения Бориса Годунова казна настолько опустела, что предприимчивый царь-менеджер решил делать деньги на всем возможном. Кабак снова открылся, но питье вздорожало, так как в цену впервые вошла государственная пошлина. Потом открылись погреба фряжских вин (то есть иноземных), однако туда допускались лишь иностранцы. Надо сказать, что русский народ туда и не стремился. Не было у него тяги к распитию крепких напитков в общественных местах. Только к концу первой четверти XVII века в столице открылось невиданное число кабаков – аж целых три штуки. И надо отметить, что народ валом не повалялся. Большая часть посетителей состояла, как ни странно, из бездомных и нищих. Ну а чтобы расплатиться за выпивку, в этих трактирах можно было заложить одежду.

Но долго кабаки не продержались. К середине XVII века вышел новый царский указ (представляете, сколь важным виделся тогда питейный вопрос, что требовались осо-

бые указы!) об упразднении кабаков, ведь в них только пили, а еды не подавали. По указу возникли корчмы или кружалы (кружечные дворы, где вино отпускали кружками). И эти кружалы теперь обязаны были подавать не только вино, но и еду – «дабы до риза не опьянялися». Проще говоря, власти никак не стремились спаивать народ.

Догадываетесь, когда возродились питейные заведения без еды, «где продаются и тут же распиваются спиртные и хмельные напитки»? Конечно же во времена царя-реформатора Петра I, чьи преобразования и начинались обычно с непотребных пьянок и лихих гулянок. Однако, поездивши по миру, и Петр начал «блюсти нравы»: приказал именовать кабаки на иностранный лад австериями и дать им собственные имена. Кабак у Лобного места на Красной площади называли «Под пушкой» (рядом стояли пушки), кружало на Петровской улице называли Петровским, а кабак рядом с ним – вообще «Татьянкой» (одни говорят, так звали хозяйку, другие – гармонь, на которой гармонист веселил народ по вечерам). И дело таки пошло, а вернее, по Петровому указу – влет полетело. Появились «потехи» – карточные и азартные игры, а также «женки» для веселого времяпрепровождения. К 1720 году в Москве обнаружилось уже более 20 питейных заведений, а к 1770-му полторы сотни.

Однако императрица Екатерина II указом от 9 марта 1792 года начала наводить порядки в питейных и гостиничных заведениях: «дабы в них развращенные люди и зазорные жен-

щины не впускались и картежная игра во всех тех местах была искоренена и уничтожена». Но рачительная государыня и о доходах казны не забыла. Именно во времена Екатерины прибыль от продажи спиртных напитков стала главной статьей государственного дохода. Сравните: подушный оклад приносил 11 миллионов, а винная подать – 24 миллиона рублей в год. И доход шел по нарастающей.

В 1810 году московский градоначальник граф Ростопчин, будущий главнокомандующий, в сердцах написал императору Александру I в приватном письме: «...если народ оставить в настоящем положении, то чрез несколько лет купцы, ремесленники, крестьяне и люди наши представят вместо громады верноподданных скопище пьяниц и воров. Сорок трактиров открыты днем и ночью. В одном Царьградском выпивают ежедневно по 16 тысяч бутылок пива, а вина в Москве каждый день... до 400 тысяч стаканов...»

Представляете, по Москве аж 40 трактиров!.. Да, например, в Лондоне начала XIX века их было без счета. В каждом втором доме, как писал Диккенс, наливали и разливали. Вот вам и российское пьянство – всего-то 40 трактиров на громадный город!.. Но даже это количество тревожило градоначальника Ростопчина! Но времена Отечественной войны 1812 года, а затем общественный катаклизм, вызванный восстанием декабристов, резко изменили общественное настроение. Москва вдруг стала снова возвращаться к патриархальному укладу. Общественная жизнь быстро перетекла в

домашнюю. Конечно, стремление вкусно и хорошо поесть да и выпить никуда не исчезли, но выпивка и празднование снов переместились в домашнюю атмосферу. Рестораны стали скромнее, ибо деньги быстро таяли в карманах горожан. Богатые заведения уступили место трактирам средней руки, где собиралась публика, отнюдь не склонная к кутежам. Дадим слово современнику: «Во-первых, дам никогда не бывало в общей зале, и рядом с элегантной молодежью сидели совсем просто одетые скромные люди. А очень много лиц торгового сословия в кафтанах пребывали в трактирах, предаваясь исключительно чаепитию... В общей зале было довольно чинно, чему содействовал служительский персонал – половые. Это были старые и молодые люди, но решительно все степенного вида, покойные, учтивые... Трактиры имели свою постоянную публику, и частые посетители величались половыми по имени и отчеству, состояли с ними в дружбе».

В таких трактирах за чаепитием русские купцы вели переговоры и заключали крупные сделки. Конечно, дела «вспрыскивали и обмывали», но рюмками, а не ведрами, как говорят мифы. Пьянство было скорее исключением, чем нормой. Недаром пьяниц высмеивали, о них шла дурная молва, их старались обходить стороной и не иметь с ними дела, наконец, их жалели. Кутежи не считались достоинствами и показателями богатства. Настоящие купцы, несмотря на то что расчеты их дел быстро переходили с тысяч на миллионы, по-прежнему предпочитали «беспьяный», домашний образ

жизни, патриархально справляя церковные праздники и выезжая по воскресеньям на отдых в лесные Сокольники. Конечно, случались и пьяные «кутежи с размахом», «обеды с шампанским до упивона», «оргии с похищением цыганок», но это были те самые редкие случаи, о которых слагались городские легенды, а никак не общая манера жизни «в объятиях с водкой». Словом, как ни крути, история доказывает, что вечное и поголовное пьянство русских – грязный миф. Так, может, не стоит поддаваться такому мифу, а опровергнуть его? То-то будет сенсация!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.